

ГОСТИ БОЛЬШОГО

Большой театр. 2001. - нояб.
(№7). - с. 3

БРИЖИТ ЛЕФЕВР: НАШ ПРИНЦИП – БЕРЕЧЬ СТАРОЕ, ЖИТЬ НАСТОЯЩИМ И ДЕЛАТЬ СТАВКУ НА БУДУЩЕЕ

СВЫШЕ ТРЕХСОТ ЛЕТ СУЩЕСТВУЕТ БАЛЕТ ПАРИЖСКОЙ ОПЕРЫ. ЭТО НЕ ТОЛЬКО САМАЯ ИЗВЕСТНАЯ, НО И САМАЯ МНОГОЧИСЛЕННАЯ ИЗ ЗАРУБЕЖНЫХ ТРУПП, НАСЧИТЫВАЮЩАЯ ОКОЛО 150 АРТИСТОВ БАЛЕТА. ОНА ИМЕЕТ ЧЕТКУЮ ИЕРАРХИЧЕСКУЮ СТРУКТУРУ (КАДРИЛИ, КОРИФЕИ, СЮЖЕ, ПЕРВЫЕ ТАНЦОВЩИКИ, «ЗВЕЗДЫ»). С 1995 ГОДА ПАРИЖСКИМ БАЛЕТОМ РУКОВОДИТ БРИЖИТ ЛЕФЕВР, ПРИБЫВШАЯ В МОСКВУ НА ПРЕМЬЕРЫ «ВЕЧЕРА ХОРЕОГРАФИИ РОЛАНА ПЕТИ», А ТАКЖЕ «ИВАНА ГРОЗНОГО», КОТОРЫЙ ПОСТАВИЛА ТРУППА «КРЕМЛЕВСКИЙ БАЛЕТ». ОНА ЛЮБЕЗНО СОГЛАСИЛАСЬ ОТВЕТИТЬ НА РЯД ВОПРОСОВ.

Брижит Лефевр с Роланом Петти

– Как Парижская Опера формирует свой балетный репертуар? Кто принимает решение о включении в него того или иного произведения?

– Как вам известно, директором Парижской Оперы является Юг Галь, который обеспечивает художественное и административное руководство всеми структурами Оперы. Разумеется, он очень большое внимание уделяет деятельности балетной труппы, которую, кстати, прекрасно знает, так как сам был ее руководителем, когда в Опере директорствовал Рольф Либманн. Юг Галь был одним из его ближайших помощников. Он встал во главе Парижской Оперы с начала сезона 1995–1996 гг. и именно он пригласил меня возглавить балетную труппу, поручив сделать все возможное для ее дальнейшего успешного развития. С этой целью он предоставил мне самые широкие полномочия, включая право разрабатывать репертуарную политику труппы и предлагать новые постановки.

– В последнее время вы часто приглашаете молодых хореографов. Специально для труппы Оперы ставили Иржи Киллиан и Матс Эк, Анжелен Прельжокаж, Жан-Клод Гиллоа. Какими принципами вы руководствуетесь, выбирая к тому или иному балетмейстеру?

– Касательно хореографов, каждый раз есть какой-то точный творческий расчет. Говоря о репертуаре в целом, мы заботимся о сохранении традиций и наследия нашей труппы. Разумеется, сохранить все наследие в неприкосновенности невозможно. Но мы тщательно оберегаем его важнейшие элементы. Очевидно, мы не можем жить только сегодняшним днем и обязаны смотреть в будущее. Поэтому меня так волнуют все проблемы, связанные с современным развитием хореографии и техники танца, с выработкой новых подходов к искусству балета. При этом я всегда помню, что имею дело с танцовщиками, воспитанными в традициях классической школы и призванными оберегать ее традиции. Это, однако, не означает, что они не вправе изучать, постигать и конечно же демонстрировать на двух наших сценах во Дворце Гарнье и в Опера Бастий нечто новое.

– А как относится парижская публика к классическому балету и к современному танцу? Чему она отдает предпочтение? Ведь во Франции обилие современных трупп, а классическая фактически одна...

– В вашем вопросе в какой-то мере содержится и ответ. Ясно, что люди приходят в Парижскую Оперу прежде всего для того, чтобы увидеть большие классические балеты. Именно они и являются нашим «фирменным блюдом». В то же время мы предлагаем публике самые разные постановки.

– А как вы лично относитесь к нуреевским редакциям классических балетов, которые идут в Парижской Опере?

– Мне кажется, что сам репертуарный план, который я составляю на каждый сезон, дает ответ на ваш вопрос. Рудольф Нуреев – воспитанник русской балетной школы. Он был необыкновенно любознательным человеком, всегда жаждущим познать что-то новое. Я думаю, что его видение классической школы и классического наследия, с которыми он познакомился еще в России и – я позволю себе заметить – немного и во Франции, сформировалось в результате его многочисленных выступлений по всему миру. Редакции Нуреева нельзя считать оригинальными постановками, ведь эти балеты изначально были созданы Мариусом Петти. Но парижские редакции отражают личное нуреевское видение классического репертуара. Он научил наших артистов четкости исполнения и привил любовь к танцу, любознательность, а также вкус, который он,

благодаря своим сотрудникам, привнес в спектакли, декорации и костюмы Парижской Оперы.

– У вас никогда не возникало желания заменить его постановки редакциями, скажем, Марининского театра, более близкими к оригиналу?

– Я думаю, что мы должны беречь наше наследие, даже если оно и не очень древнее. Мне хочется, чтобы труппа сохранила то, что Рудольф успел сделать за годы своего пребывания во главе балета Парижской Оперы. Сегодня нельзя представить себе эти произведения в других редакциях, будь то Марининского театра или какого-нибудь французского хореографа, предлагающего иное видение этих старинных балетов. И труппа Большого, и труппа Марининского имеют огромный опыт работы с классическим репертуаром, но и мы, благодаря постановкам Рудольфа Нуреева (он поставил «Спящую красавицу», «Лебединое озеро», «Баядерку», «Раймонду», «Щелкунчика», «Дон Кихота» – В.М.), хотим показать, что эти шедевры продолжают жить и у нас.

– Кажется, Нуреев был первым, кто поставил в Парижской Опере классические русские балеты, скажем, «Спящую красавицу»...

– Нет-нет, некоторые уже шли у нас, в частности «Спящая красавица» в редакции Алисии Алонсо и «Лебединое озеро» в версии Владимира Бурмейстера. Но сегодня визитной карточкой балета Парижской Оперы являются именно постановки Нуреева.

– В свое время сезон в Парижской Опере открывало торжественное «Дефиле», поставленное Сергеем Лифарем на музыку Гектора Берлиоза. Не собираетесь ли вы восстановить его балеты, которые также являются частью вашего наследия?

– Первоначально «Дефиле» создал не Лифарь, а Лео Стаатс. Ему первому пришла в голову мысль представить публике всю нашу труппу. Уже потом Серж Лифарь подобрал для этого соответствующую музыку... «Дефиле» – замечательное зрелище, но, согласитесь, это далеко не лучшая постановка в мире. Поэтому сейчас мы показываем его только по особым случаям. Например, недавно мы устроили вечер в честь Иветт Шовире, и труппа была рада выйти на сцену в полном составе, включая школу. А показывать его регулярно довольно сложно как по художественным, так и по организационным соображениям. Ведь нелегко систематически собирать вместе такую большую труппу и школу. Тем не менее мы стараемся это делать хотя бы раз в году по какому-нибудь особо торжественному случаю.

– А что сейчас делает Иветт Шовире? Работает ли она репетитором или консультантом в Опере?

– Иветт Шовире никогда не работала репетитором в Опере. Она лишь иногда репетирует отдельные партии с ведущими танцовщиками. Зато она у нас частый гость, и мы всегда рады ей. Я много беседую с ней. Она рассказывает, что ей понравилось, что – нет, и я до сих пор удивляюсь остроте ее взгляда. Да и вообще она человек, с которым легко и приятно общаться.

– Наша публика хорошо знает Гилен Тесмар, Микаэля Денара, Ноэлла Понтуа по гастролям парижского балета в Москве. Преподает ли эти прекрасные артисты в Опере?

– Ноэлла Понтуа – педагог Парижской Оперы, Микаэль Денар тоже преподает у нас, а Гилен Тесмар работает педагогом и иногда репетирует исключительно со «звездами».

– Насколько я знаю, она работает с Сильви Гиллем – теперь приглашенной «звездой», которая, желая быть независимой и свободно распоряжаться собой, в свое время покинула Оперу. Теперь ваши ведущие солисты, если они не заняты в репертуаре, могут свободно гастролировать по всему миру. В этом, очевидно, и ваша заслуга. Как вам удается поддерживать такой высокий уровень исполнительского мастерства? Многие считают, что труппа Парижской Оперы – лучшая в мире...

– Услышав этот приятный для себя вопрос, я подумала о том, что ни одна труппа не может считать себя лучшей в мире. Вчера я посмотрела «Пиковую даму» Ролана Пети и была приятно удивлена великолепным мастерством артистов Большого театра. Я видела разные труппы во многих странах и с уверенностью могу сказать, что у каждой – своя специализация. Поверьте, я говорю это не как дипломат, а просто констатирую факт. Балет Парижской Оперы пользуется отличной репутацией, и мы этому очень рады. Более того, мы этим гордимся. Но мы также понимаем, что репутация – вещь хрупкая. Мне очень повезло: у меня замечательные сотрудники, и мы только что говорили о «звездах», которые сегодня преподают. К ним я хочу добавить и имя заведующего нашей труппой Патриса Бара, который много работал с Нурее-

вым. Я не хочу говорить о Рудольфе в прошедшем времени и не призываю формально следовать его заветам. Кстати, я лично его почти не знала: я лишь была его поклонницей. Нам всегда следует помнить о том, что он сделал для нас. При этом, мы также должны смотреть вперед. Наш принцип – беречь прошлое, жить настоящим и делать ставку на будущее.

При Парижской Опере замечательная школа, которой руководит талантливая Клод Бесси. Все крупные труппы мира имеют свои балетные школы, и именно там закладываются основы исполнительского мастерства. Ну а у нас к тому же были целые поколения великих танцовщиков. В самом появлении такой плеяды есть что-то мистическое... Но все так недолговечно, и репутация в том числе. Мы очень много работаем, и я внимательно слежу за тем, что происходит вокруг, и стараюсь помочь нашим танцовщикам как можно всестороннее раскрыть свой талант. Сама я никогда не была «звездой». Я хореограф, причем далеко не самый лучший. Но, думаю, что мне удалось проявить себя, руководя труппой, из которой я, кстати, ушла, когда мне было 25 лет...

– В последнее время с Парижской Оперой попрощались многие «звезды»: Изабель Герен, Элизабет Платель. Есть ли в труппе достойные претенденты на вакантные места «звезд»? Кто из молодых может претендовать на это высокое звание?

– Парижские балетоманы сейчас замерли в ожидании! У нас замечательный состав первых танцовщиц, хотя многим еще надо немного подрасти... «Звездами» Парижской Оперы рано не становятся. Зато сразу после прихода в труппу мы предоставляем молодым танцовщикам возможность показать себя в отдельных партиях на концертах «Молодых солистов», которые регулярно проходят на сцене театра. Многие из них никогда не станут «звездами», но могут очень достойно танцевать некоторые партии. Мне бы не хотелось называть конкретные имена, но кандидатов немало.

– Парижский балет всегда славился своими балеринами. А что бы вы могли рассказать о мужском составе?

– У нас много замечательных талантов, но не хочу никого выделять. Представьте, что подумают в Париже, если увидят в моем интервью «звездные прогнозы» (а в Парижской Опере есть люди, владеющие русским – они читают все).

– Парижская Опера редко приглашает танцовщиков из других трупп. Она не очень-то жалуется «варягов». Однако, в этом сезоне вы пригласили итальянца Массимо Мурру выступить в «Соборе Парижской Богоматери», а Николая Цискаридзе в «Баядерке»...

– ...А также Светлану Захарову из Марининского театра.

– Да, и Светлану Захарову тоже... Что это, новая тенденция или профессиональная необходимость?

– Знаете, это во многом стечение разных обстоятельств. За последнее время нашу сцену покинули три «звезды»: Изабель Герен, Кароль Арбо и Фанни Гайда. Элизабет Платель ушла еще раньше. Увы, у нас узаконены четкие возрастные ограничения. Теперь у молодежи появился шанс проявить себя, чтобы занять вакантные места. В этом нет ничего нового. А мы с Югом Галем решили показать парижской публике и нашим артистам, как танцуют ведущие солисты других трупп. Их выступление для нас – в некотором роде вызов. Да, да – одновременно и предмет любопытства, и удовольствия, и, несомненно, вызов.

– А хотят ли артисты Парижской Оперы танцевать в России? Возможен ли обмен гастроллями между Парижской Оперой и Большим театром, о чем уже десятилетия мечтают любители балета?

– Я говорила об этом с господином Акимовым, и мы посмотрим, что здесь можно придумать. Немаю любопытного как в планах Большого, так и в планах Парижской Оперы. В нашей труппе тоже есть замечательные «звезды», например, Манюэль Легри, Никола Ле Риш, Жан-Гийом Бар, и мне кажется, что вашей публике было бы интересно их лучше узнать. Кстати, Манюэль Легри выступит в этом сезоне в Марининском театре. Кроме того, существуют еще гала-концерты, благодаря которым ваша публика может увидеть парижских артистов.

– Что вы думаете о «Пиковой даме» в исполнении труппы Большого театра?

– Должна признаться вам в одной страшной вещи: я опоздала на самолет и поэтому видела лишь три четверти спектакля. Сегодня вечером я вновь пойду в театр, чтобы посмотреть «Пассакалью». Этот балет был создан для Парижской Оперы в 1994 году, и он мне сразу очень понравился. Любопытно отметить, что его хореография совершенно нетипична для балетов Ролана Пети. Он мне говорил, что ему очень

нравится ведущая пара, и я с удовольствием на нее посмотрю. Относительно «Пиковой дамы», я специально приехала посмотреть саму постановку, а также Николая Цискаридзе в главной партии. Сразу замечу, что ваша труппа показалась мне молодой, преданной своему делу и охотно воспринимающей французскую манеру танца. Кроме того, считаю, что ваши артисты очень выразительны на сцене и умеют проявить свой актерский талант. Для меня это уже успех.

– А не кажется ли вам, что «Пиковая дама» – французский балет, но под «русским соусом»? Я имею в виду прежде всего массовые, кордебалетные сцены...

– Это прежде всего балет Ролана Пети, то есть балет, отражающий индивидуальный стиль хореографа. Сам по себе танец интернационален, а национальные особенности ему придают, конечно же, исполнители. Ролан Пети мне уже говорил, что о его «Пиковой даме» существуют разные мнения: одни считают, что это русский балет, другие – не русский... На мой взгляд, это не так уж и важно. Главное – в нем есть превосходная музыка Чайковского, великолепные русские танцовщики и, конечно же, хореография французского балетмейстера, по-своему трактующего этот столь популярный у вас сюжет. В некотором смысле, Ролан Пети – гражданин мира: он интернациональный балетмейстер. Но если он порой видит вещи иначе, чем другие, то в этом выражена именно его точка зрения. Это всегда интересно.

– Почему для выступления в «Баядерке» вы решили пригласить именно Николая Цискаридзе?

– Я неоднократно бывала в Москве и имела возможность увидеть его в спектаклях Большого театра. Я слышала о нем много хорошего и от Пьера Лаготта, и от Ролана Пети, которые с ним работали, и мне захотелось поговорить с ним лично... К тому же я видела отрывок из его выступления в «Баядерке». Цискаридзе – прекрасный артист. Сейчас у нас появилась возможность пригласить его в Парижскую Оперу, чтобы он выступил в паре с нашей ведущей балетной Мари-Аннесс Жилло. Подобное решение – результат стечения многих обстоятельств, но мы с Югом Галем этому очень рады.

– Сколько спектаклей в месяц танцуют ведущие солисты Парижской Оперы? И сколько вообще балетных спектаклей вы показываете в течение сезона?

– Я знаю, что в течение сезона мы даем 150 балетных спектаклей. От сорока до пятидесяти из них, в зависимости от сезона, танцует Манюэль Легри – артист, который выступает чаще других.

– Хорошо ли, на ваш взгляд, что спектакли в Парижской Опере идут блоками? У нас сейчас подумывают ввести такую же систему в Большом.

– Я лично предпочитаю, когда спектакли идут блоками. Такая система позволяет оптимизировать работу театра: можно больше времени уделять репетициям, подготовке ролей, возобновлять спектакли через год или два, по возможности приглашая постановщика. А если каждый вечер идут разные балеты, то на репетиции вовсе не остается времени. С художественной точки зрения предпочтительнее показ спектаклей блоками. Я знаю, что не все согласны с такой системой проката репертуара. У нее есть свои недостатки. Но единого оптимального решения, очевидно, не существует. Но все же этот вариант – самый удачный. Правда, блоки должны быть достаточно длинными (у нас подряд идут 15–17 спектаклей), так как если вы составите блок всего из 4–5 спектаклей, то это вам ничего не даст.

– Расскажите о планах Парижской Оперы на следующий сезон. Я слышала, что вы задумали еще раз поставить на парижской сцене «Ивана Грозного» Юрия Григорovichа?

– Мне бы не хотелось говорить о них заранее: мы как раз над этим работаем. Репертуар должен быть окончательно сверстан минимум за три месяца до начала сезона. А в этом сезоне на афише 11 названий – классика («Баядерка», «Дон Кихот», «Копеллия»), балеты Ролана Пети («Собор Парижской Богоматери», «Клавиво»), Матса Эка («Жизель»), Мориса Бежара («Конкурс»), Анжелена Прельжокажа («Парк»), вечер хореографии Михаила Фокина («Петрушка»), Вацлава Нижинского и Джерома Роббинса (две версии «Послеполуденного отдыха фавна») и Бланки Ли («Шехеразада»), балеты на музыку Игоря Стравинского («Пульчинелла» Дугласа Данна, «Скрипичный концерт» Джорджа Баланчина, «Весна священная» Пины Бауп). Покажем также премьеру балета «Грозный перевал», которую по роману Эмили Бронте поставит наша «звезда» Кадер Белярби. А в программу в честь Бориса Кохно еще включен и «Блудный сын» Джорджа Баланчина. Есть все – и классика, и современность, и эксперименты.

Беседовала ВIOЛЕТТА МАЙНИЦЕ